

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА РОССИИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ (1944–1964 гг.): ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ МАСШТАБЕ

© 2022 г. О. В. Зеленцова^{1, *}, Д. С. Коробов^{1, **}, А. Н. Ворошилов^{1, ***}

¹ *Институт археологии РАН, Москва, Россия*

**E-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru*

***E-mail: dkorobov@mail.ru*

****E-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru*

Поступила в редакцию 17.11.2021 г.

После доработки 17.11.2021 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

В статье рассматриваются результаты археологического изучения территории России в послевоенное двадцатилетие — с 1944 по 1964 г., которые анализируются с использованием геоинформационной системы национального масштаба “Археологические памятники России”. В информационно-поисковую систему были внесены сведения о 14730 памятниках археологии на территории Российской Федерации, содержащиеся в 4356 отчетах о полевых исследованиях. Проведенное исследование пространственного распространения археологических памятников, попавших в орбиту полевых работ 1944–1964 гг., демонстрирует уже отмеченные нами общие закономерности, когда до 79% изучавшихся объектов находится на европейской территории России. Приоритетными территориями расселения, по-видимому, являлись открытые пространства степи и лесостепи, где обнаруживается подавляющее большинство археологических древностей как на европейской, так и на азиатской территории.

Ключевые слова: памятники археологии, геоинформационные системы, послевоенные десятилетия, система расселения.

DOI: 10.31857/S0869606322030205

Современным трендом развития научного знания являются обобщение и обработка больших массивов данных (*big data*). В этом смысле созданная Институтом археологии РАН при поддержке РНФ и РФФИ геоинформационная система национального масштаба “Археологические памятники России” (АПР), которая включает данные об объектах археологического наследия, исследованных в период 2008–2012 гг., и результаты археологических работ послевоенного двадцатилетия должна стать той платформой, которая позволит получить наиболее целостные срезы прошлого страны в целом и отдельных ее регионов. Создание электронной оболочки карты в виде автоматизированной системы обработки информации (АСОИ) “Терек” проходила в рамках гранта РНФ № 14-1803755 (Макаров и др., 2015а; б). В ходе реализации этого проекта в археологическую информационную систему вносились данные о памятниках археологии, исследованных в XXI в., и, в связи с этим, имевших точные географические координаты. Результаты этой работы пока-

зали перспективность и высокий уровень актуальности дальнейшего развития базы данных, в том числе и в направлении ее наполнения архивной информацией о памятниках археологии, изученных в XX столетии, в том числе сразу после Великой Отечественной войны. Именно в эти годы развитие археологической науки в СССР переходит на качественно новый уровень. Между тем работу с археологическими отчетами послевоенных лет в сфере проецирования информации из них на современную карту ощутимо затрудняет излишняя лаконичность сведений о местонахождении археологических объектов. Ситуация еще более усугубляется исчезновением на местности многих ориентиров, использованных в описаниях для привязки археологических реалий. Эти особенности архивных материалов сильно затрудняют работу современных археологов по локализации археологических памятников на карте и существенно ограничивают возможности компьютерного картографирования.

Перечисленные объективные трудности удалось преодолеть в процессе реализации проекта ИА РАН, поддержанного РФФИ (№ 18-09-40053/20). Для максимально эффективной работы с источником информации, а именно с архивными делами отчетов о полевых археологических исследованиях за 1945–1964 гг. из научно-отраслевого архива ИА РАН, удалось найти оптимальный путь для реконструкции местоположения памятника археологии на современной карте. В основе его лежит алгоритм обязательного и последовательного анализа всех доступных источников информации о возможном расположении памятника – от текста отчета и его иллюстраций (схемы, планы, карты, фотографии местности, зарисовки ландшафта и пр.) до публикаций (особенно издания МИА и другие работы тех лет) и современных открытых Интернет-ресурсов с картографической информацией (карты, космоснимки, аэрофотосъемка и т.п.). Залогом успешной реконструкции координат части памятников археологии из раскопок послевоенных лет стала фиксация информации о них на раннем этапе развития информационной системы ИА РАН из отчетов XXI в., где координаты фиксировались при помощи приборов глобального позиционирования. В первую очередь это, конечно, касается тех памятников, изучение которых, начавшись после войны, продолжается до сих пор, или памятников, которые попадали в зону научного интереса современных археологов в XXI в. Не вызывает сомнений, что со временем, при методичном внесении в электронную археологическую карту России информации о современных исследованиях, местоположение многих послевоенных объектов будет уточняться, и реконструированные координаты уступят место данным точных приборов позиционирования.

Для изучения эффективности используемого алгоритма реконструкции координат памятников в рамках проекта проводилась верификация введенных данных. Для этого были организованы выборочные поиски памятников на местности и фиксация их координат при помощи современного оборудования. Проведенный мониторинг показал, что при сравнении реконструированного местоположения и точных координат, взятых при помощи прибора, погрешность составляет от 100 до 500 м (в зависимости от качества архивных данных и сохранности ландшафта), что в масштабах территории огромной страны (макроуровень) не является критичной ситуацией и позволяет адекватно отразить археологическую локацию на современной карте Российской Федерации.

В результате подготовки источниковой базы исследования были обработаны и внесены в информационно-поисковую систему сведения из 4356 отчетов о полевых исследованиях. Всего по

отчетам послевоенного двадцатилетия в базу внесены данные о 17 122 памятниках археологии.

Интересную картину о развитии темпов “археологического освоения” страны в послевоенные десятилетия дает количественный анализ этого массива документов из 4356 научных отчетов.

Разбивка по пятилеткам позволяет выявить магистральную тенденцию, проявляющуюся в интенсивном наращивании темпа и масштаба полевых работ:

- 1944¹ – 1949 гг. – 424 отчета;
- 1950 – 1954 гг. – 773 отчета;
- 1955 – 1959 гг. – 1502 отчета;
- 1960 – 1964 гг. – 1657 отчетов.

Приведенные данные свидетельствуют о высоком темпе возрождения полевой археологической деятельности в стране. На протяжении первых 15 лет, от пятилетки к пятилетке количество работающих экспедиций, судя по числу сданных в Академию наук отчетов, увеличивается почти вдвое. В последние пять лет послевоенного двадцатилетия происходит стабилизация количественных показателей полевых исследований, что, вероятно, свидетельствует о выходе археологического развития страны на определенное естественное плато.

Особенно стремительным был всплеск исследований в первые годы после войны: от 7 отчетов в 1944 г. и 41 в 1945 г. до 109 отчетов за 1949 г. Примечательно, что только в эту пятилетку наблюдается стабильный ежегодный рост числа отчетной документации, в последующие пятилетки все чаще присутствует некоторое понижение числа отчетов за определенный год, а рост чисел становится в целом менее взрывным.

Общие наблюдения

В результате компьютерной обработки массива данных о памятниках археологии, изучавшихся в первые послевоенные десятилетия (1944–1964 гг.), можно выявить ряд тенденций, связанных с процессом накопления информации в ходе полевых исследований этих лет.

Прежде всего, стоит отметить, что в рассматриваемые годы полевые работы велись не только на территории современной Российской Федера-

¹ В первую послевоенную пятилетку археологических исследований нами включены и отчеты о работах 1944 г. Несмотря на то что формально они представляют результаты работ, проведенных в военный год, их появление отражает возникновение реального вектора, направленного на возрождение “археологической жизни” страны после Великой Отечественной войны. Кроме того, отличие количества отчетов в военный 1944 г. (7 отчетов) и победный 1945 г. (41 отчет) почти в 6 раз ярко свидетельствует о высоком темпе послевоенного старта археологических исследований в СССР.

ции (РСФСР). В научно-отраслевой архив попадали отчеты, подготовленные археологами из российских учреждений по результатам полевых исследований, проведенных за пределами России, причем как на территории СССР, так и в странах зарубежья. Из 17 122 объектов археологического наследия (ОАН), на которых проводились исследования в 1944–1964 гг. (рис. 1, А), 2392 объекта находятся вне границ РСФСР (порядка 14%). Поскольку обязательной практики сдачи на хранение в научно-отраслевой архив ИА АН СССР полевого отчета с результатами работ, производившимися за пределами Российской Федерации, в те годы не было, данная информация не отражает в полной мере степень археологического изучения внероссийского пространства археологами из российских научных учреждений и в настоящем исследовании рассматриваться не будет. Сведения же об объектах археологического наследия, изучавшихся непосредственно на территории РСФСР, гораздо более полны и объективны.

В настоящий момент в АСОИ “Терек” содержатся данные о 14730 археологических памятниках, охваченных полевыми работами на территории Российской Федерации в первые послевоенные десятилетия (1944–1964 гг.) (рис. 2, А). Прослеживается неуклонный рост количества археологических работ и, соответственно, обследованных ОАН, во времени (рис. 3, А). Так, на первые послевоенные годы (1944–1949 гг.) приходится 1265 ОАН (9%), далее с каждым пятилетним интервалом их число удваивается: 2631 (18%) в 1950–1954 гг., 5309 (36%) в 1955–1959 гг. Начиная с 1960 г. происходит более плавное увеличение количества обследованных памятников, причем в некоторые отдельные годы (например, в 1962 и 1963 г.) намечается небольшое сокращение количества ОАН, подвергавшихся полевому обследованию. Тем не менее в 1960–1964 гг. в совокупности изучено 6543 археологических памятника, что составляет 44% от рассматриваемого массива данных.

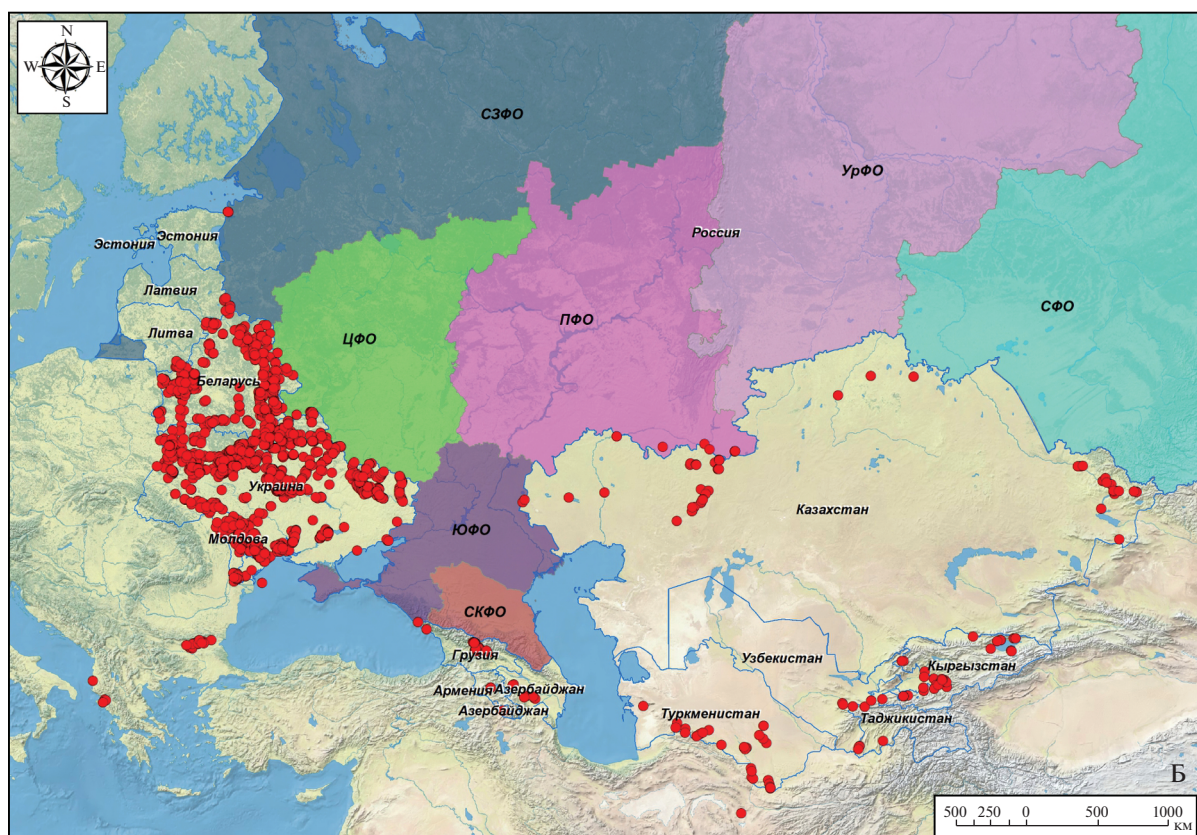
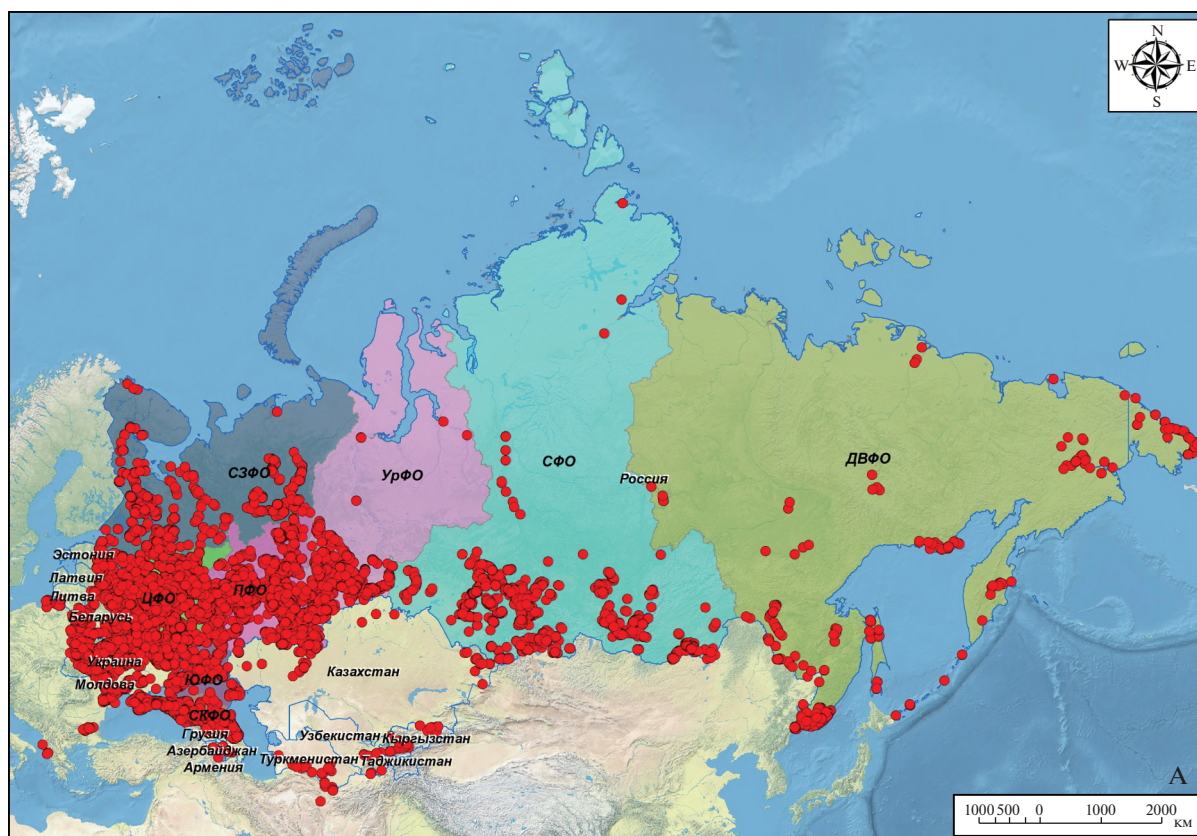
Распределение в пространстве

Как уже отмечалось в нашем предыдущем исследовании, посвященном пространственному распространению археологических древностей, отраженных в полевых отчетах 2009–2012 гг. (Макаров и др., 2016а. С. 7–10; табл. 1; 2016б. С. 14–16; табл. 1; 2017. С. 624, 625; табл. 1), подавляющее большинство археологических полевых работ происходило на европейской части Российской Федерации. Применяя современное административное деление страны, можно проследить, что основные работы 1944–1964 гг. протекали на территории Приволжского (4830 ОАН, или 33%) и Центрального (3478 ОАН, или 24%) федеральных

округов (табл. 1; рис. 2, А). На огромные просторы Сибири приходится всего 1575 ОАН (11%), а на Дальнем Востоке – чуть более 500 ОАН (3%). Если применить весьма грубую статистическую оценку количества археологических памятников, исследованных в рассматриваемый период, на единицу площади в 1 тыс. км², то наибольшая концентрация их приходится на Центральный (5.35 ОАН на 1 тыс. км²) и Северо-Кавказский федеральный округ (5.1 ОАН), являющийся самым маленьким по площади (170 тыс. км²) (табл. 1). За счет этого относительно небольшое количество археологических памятников (867 ОАН, или 6%), исследованных на этой территории, расположено значительно компактнее, чем, скажем, на Дальнем Востоке, площадь которого имеет наибольшее значение (6953 тыс. км²), а степень концентрации археологических объектов наименьшая в исследуемой выборке (0.07 ОАН на 1 тыс. км²). Высокие значения относительной плотности памятников археологии демонстрируют также Приволжский (4.66 ОАН на 1 тыс. км²) и Южный федеральные округа (2.53 ОАН). На остальных территориях плотность памятников существенно меньше.

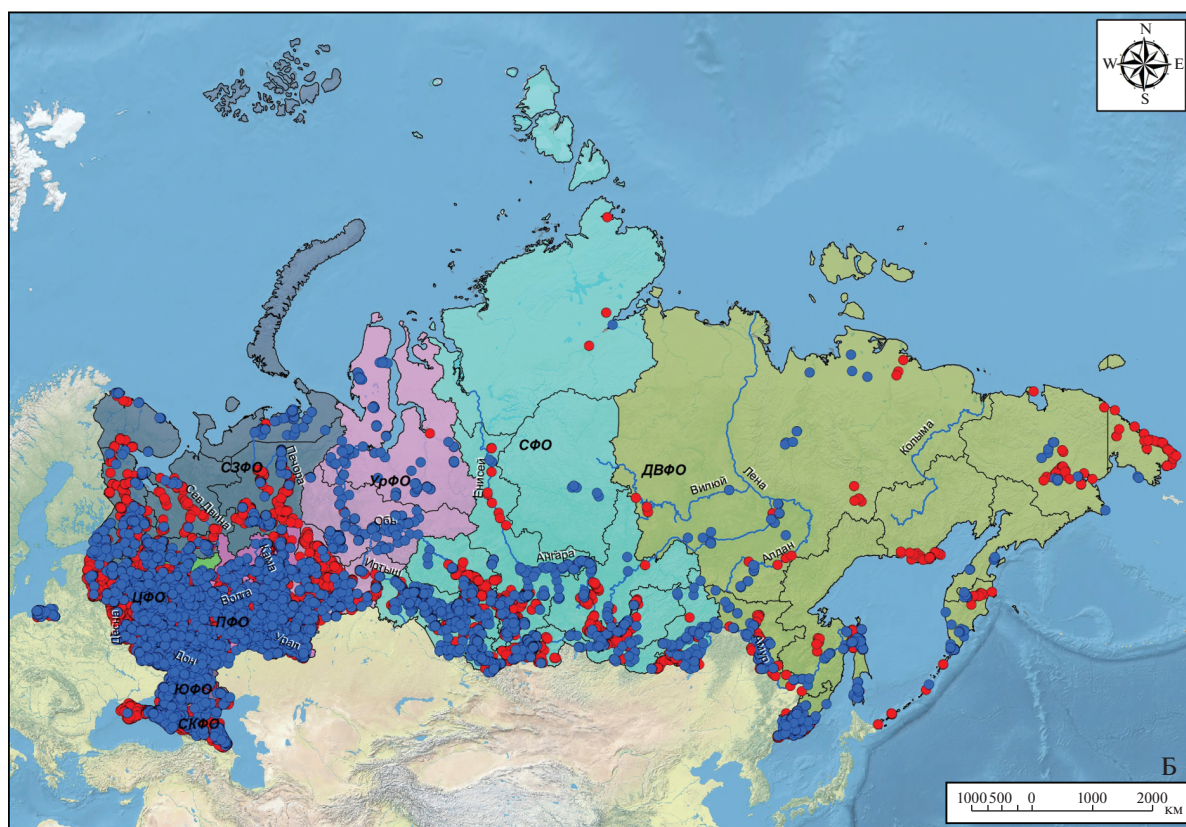
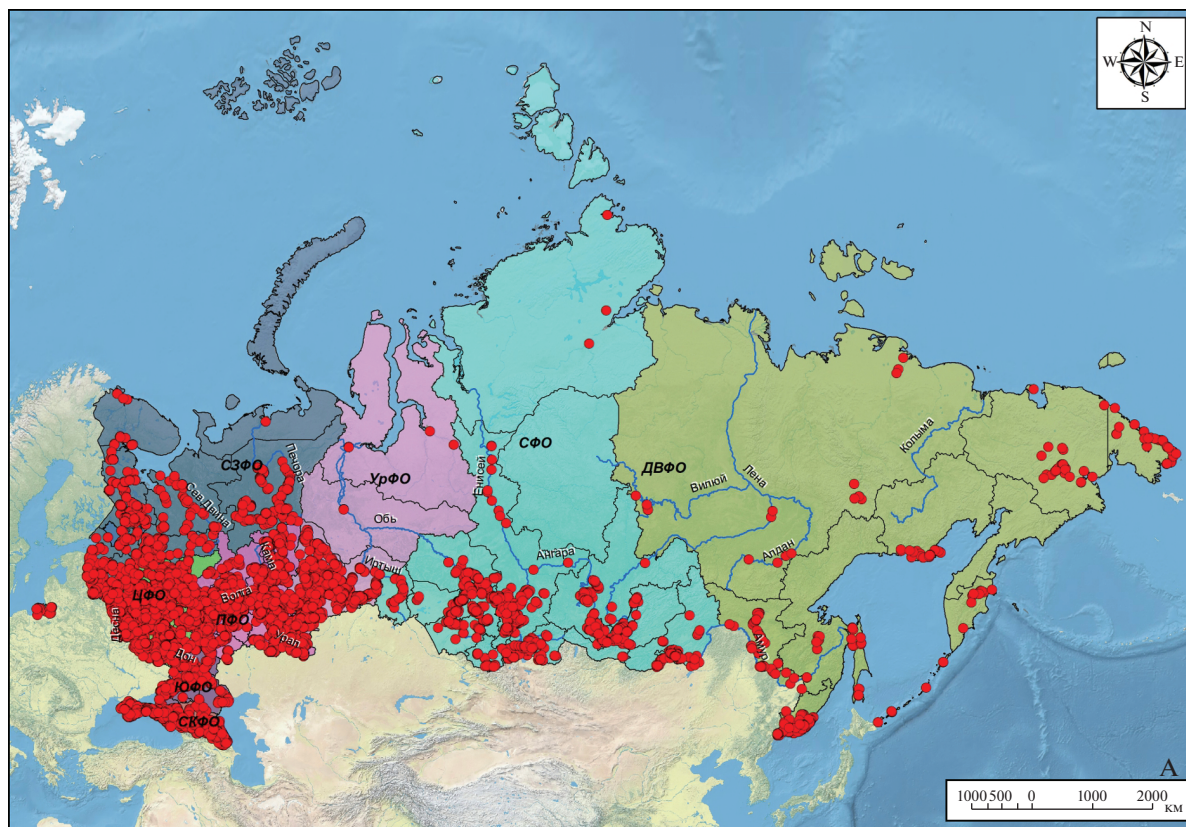
Накладывая пространственное распространение археологических древностей, изученных в 1944–1964 гг., на карту современного административного деления страны, мы видим, что наибольшее количество археологических памятников исследовалось в республиках Татарстан и Башкортостан (1434, или 9% и 1107, или 7% соответственно). Активная разведочная деятельность в Татарии вызвана работами над археологической картой республики, которая началась под руководством Н.Ф. Калинина еще в 1945 г., а затем в 1950-х годах работами Куйбышевской археологической экспедиции ИА АН СССР во главе с А.П. Смирновым (Старостин, 2001. С. 14, 15). В Башкирии уже в начале 1950-х годов выходит работа И.А. Талицкой “Материалы к археологической карте Прикамья” и активно работает несколько экспедиций, в том числе постоянная экспедиция Башкирского филиала АН СССР во главе с А.В. Збруевой, которая планомерно исследует бассейн р. Белой с ее притоками (Археологическая карта Башкирии, 1976. С. 8). Республика Башкортостан и в настоящее время является наиболее развитым российским регионом в археологическом отношении (Макаров и др., 2016а. С. 8; 2016б. С. 18), тогда как количество исследований в Татарстане резко сократилось – там полевыми работами в 2009–2012 гг. было охвачено лишь чуть более 200 памятников археологии.

Полевые исследования не проводились в 1944–1949 гг. только в Ленинграде (Санкт-Петербург), во всех других регионах и областях были обследованы хотя бы единичные археологиче-

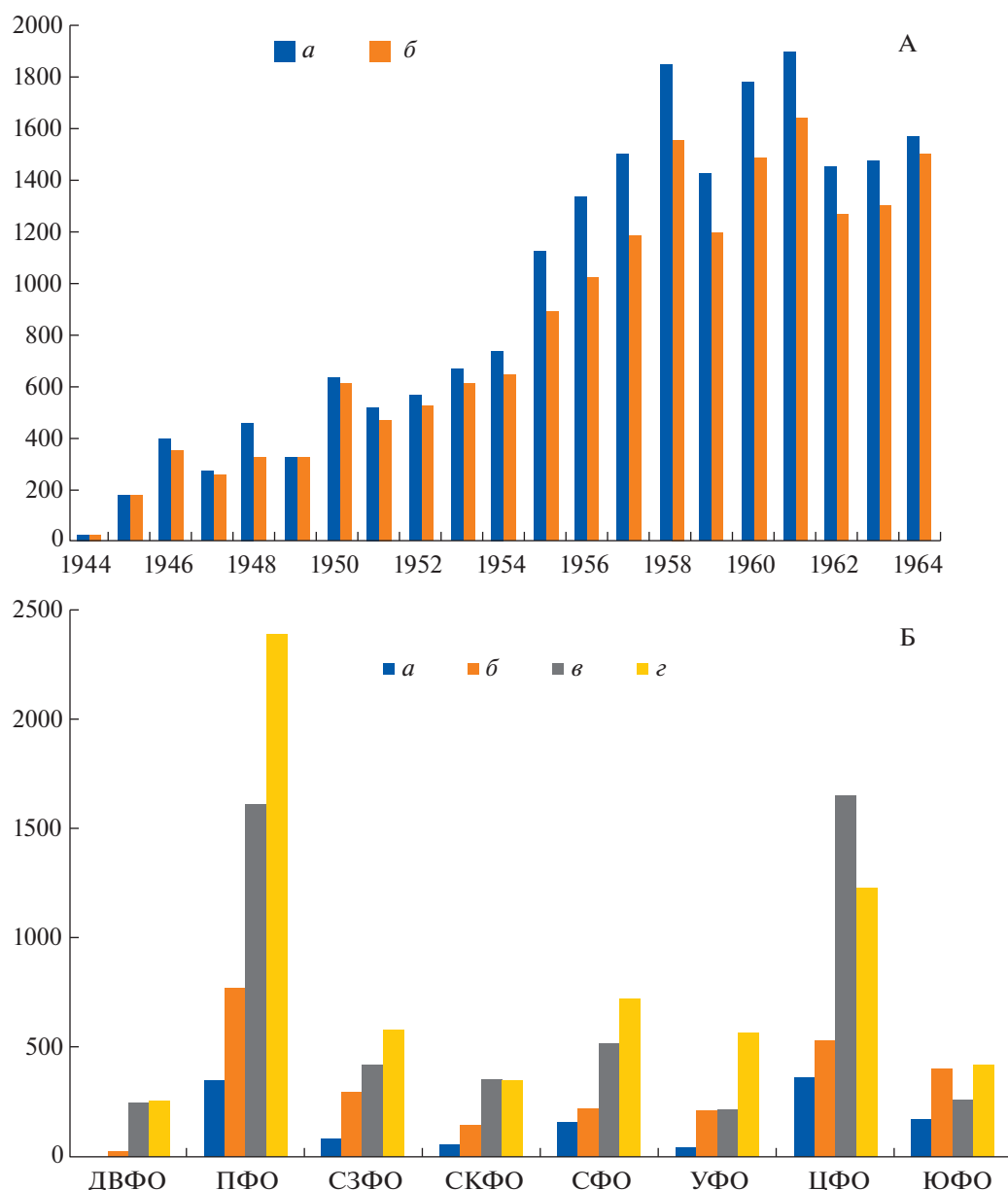

Рис. 1. Карта археологических памятников, исследовавшихся в 1944–1964 гг., на всей территории обследования (А) и за пределами Российской Федерации (Б).

Fig. 1. Map of archaeological sites studied in 1944–1964 throughout the survey area (A) and outside the Russian Federation (B)

Рис. 2. Карта археологических памятников с границами федеральных округов Российской Федерации: А – исследованных в 1944–1964 гг.; Б – исследованных в 1944–1964 гг. (красный цвет) и в 2009–2012 гг. (синий цвет).
Fig. 2. Map of archaeological sites with the boundaries of the federal districts of the Russian Federation: А – studied in 1944–1964; Б – studied in 1944–1964 (marked in red) and in 2009–2012 (marked in blue)

Рис. 3. Диаграмма распределения количества археологических памятников: А – по годам исследования: а – всего, б – в России; Б – по федеральным округам РФ и пятилетним интервалам: а – 1944–1949 гг., б – 1950–1954 гг., в – 1955–1959 гг., з – 1960–1964 гг.

Fig. 3. Diagram of the numeric distribution of archaeological sites: А – by years of research; Б – by federal districts of the Russian Federation and five-year intervals

ские объекты. Менее десятка ОАН были изучены в Еврейской автономной области, Ненецком, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, а также в Республике Калмыкия. Следует отметить, что в последнее время почти во всех этих регионах, за исключением Еврейской АО, археологическая активность существенно повысилась – здесь в 2009–2012 гг. исследовалось от 75 до 174 памятников, а в Ханты-Мансийском АО число включенных в отчеты ОАН достигло 472 (рис. 2, Б).

В 34 регионах количество памятников, изучавшихся в рассматриваемый период, не достигало сотни, еще в 40 оно находилось между 100 и 500 ОАН. В Брянской, Смоленской и Тверской областях число исследованных ОАН было от 503 до 538. Примечательно, что в первых двух регионах в последние десятилетия происходит резкое сокращение археологической активности: так, в 2009–2012 гг. в Брянской области исследованиям подвергалось 76 ОАН, а в Смоленской – 39. В некоторых регионах РФ, напротив, прослеживается

Таблица 1. Распределение археологических памятников, изучавшихся в 1944–1964 гг., по федеральным округам
Table 1. Distribution of archaeological sites studied in 1944–1964 by federal districts of the Russian Federation

Федеральный округ	Временные интервалы исследования, годы								Всего	Процент от общего количества	Площадь, тыс. км ²	Количество на 1 тыс. км ²
	1944–1949		1950–1954		1955–1959		1960–1964					
Дальневосточный	6	1%	17	3%	246	48%	265	52%	512	3	6953	0.1
Приволжский	353	7%	774	16%	1609	33%	2380	49%	4830	33	1037	4.7
Северо-Западный	96	7%	305	23%	425	32%	583	44%	1322	9	1687	0.8
Северо-Кавказский	57	7%	150	17%	362	42%	349	40%	867	6	170	5.1
Сибирский	163	10%	220	14%	527	33%	725	46%	1575	11	4362	0.4
Уральский	43	4%	217	21%	224	22%	575	57%	1014	7	1819	0.6
Центральный	374	11%	535	15%	1655	48%	1236	36%	3478	24	650	5.4
Южный	173	15%	413	36%	261	23%	430	38%	1132	8	448	2.5

значительный рост количества археологических работ. Так, в Белгородской, Новосибирской и Ростовской областях, а также в Краснодарском крае в последнее время было исследовано от 647 до 1164 памятников археологии, тогда как в послевоенные десятилетия полевыми исследованиями там было охвачено от 103 до 287 ОАН (рис. 2, Б).

Очевидная неравномерность археологического изучения огромного пространства страны в послевоенные десятилетия касается не только пространства, но и времени исследования. Так, планомерные археологические исследования Дальнего Востока начинаются, фактически, только с середины 1950-х годов, тогда как в предыдущее десятилетие полевыми работами было охвачено лишь 23 памятника из 512 (табл. 1; рис. 3, Б; 4). На остальных территориях виден постепенный рост археологической активности с начала 1950-х годов. Если в послевоенные годы (1944–1949 гг.) археологическими исследованиями было охвачено от 4% (Сибирь) до 15% (Южный федеральный округ) памятников по каждому крупному региону, то в 1960–1964 гг. полевые работы затрагивают от 38 до 57% памятников (табл. 1; рис. 3, Б; 4).

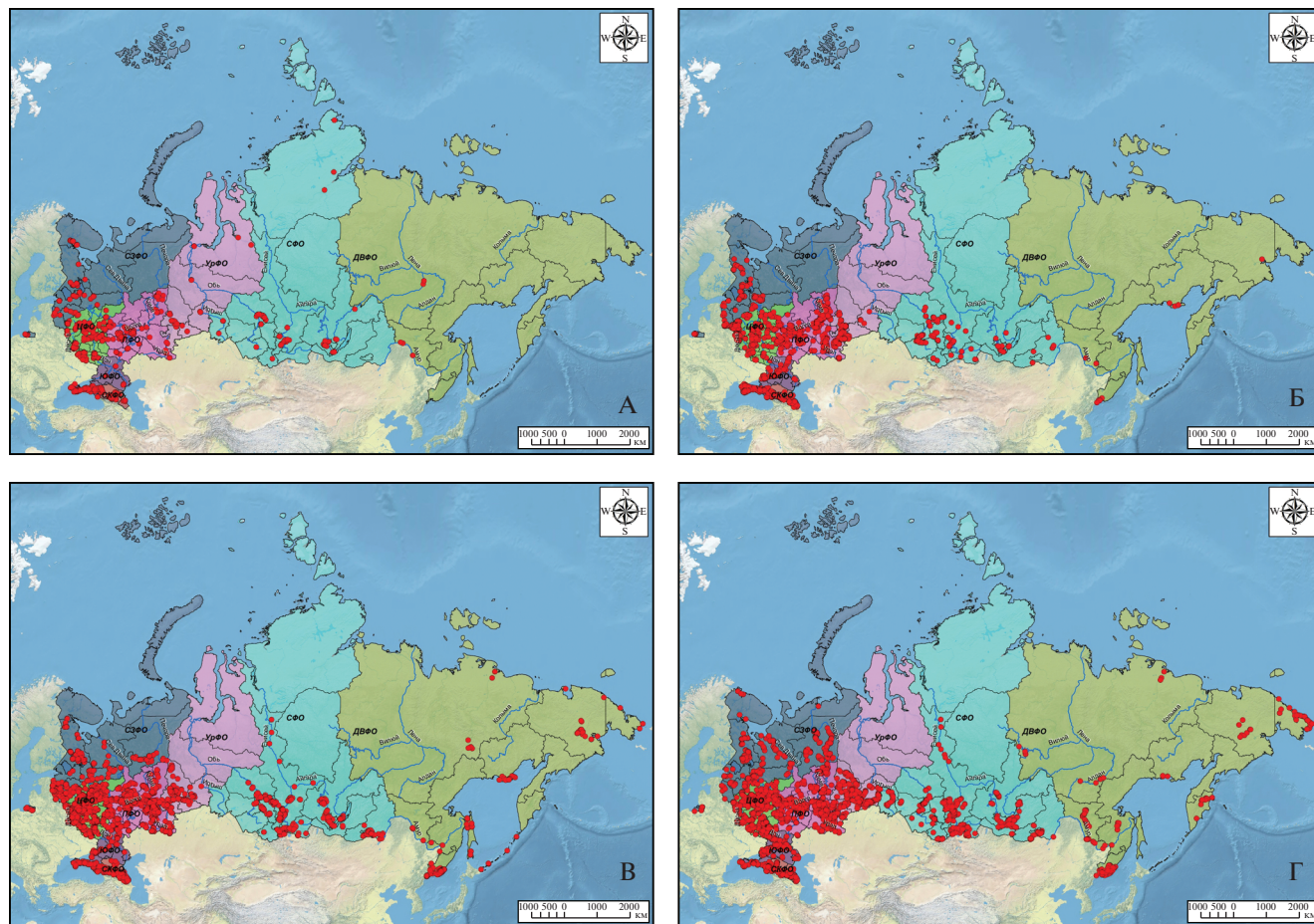
Типы памятников

Рассмотрим типы памятников, исследовавшихся в первые послевоенные десятилетия. Среди 14730 ОАН, включенных в АСОИ “Терек”, около половины (6782, или 46%) относится к поселениям открытого типа. Среди них исследователями выделяются стоянки (2634, или 18%), поселения (1671, или 11%) и селища (2477, или 17%). В определении памятника в качестве стоянки, поселения или селища присутствует хронологическая составляющая. Так, стоянками обычно

называются временные места обитания, относящиеся к каменному или бронзовому веку, поселениями – постоянные места проживания бронзового и раннего железного века, а селищами – долговременные неукрепленные поселения эпохи средневековья. Однако не стоит исключать и влияние традиции в обозначении памятников археологии, присутствующее у полевых исследователей разных археологических школ. Так, термин “селище” чаще употребляется на европейской территории РФ. 55% селищ, исследованных в 1944–1964 гг., располагается в пределах Поволжского федерального округа, 28% – в Центральном и 10% – в Уральском округе, тогда как на территории Сибири, Дальнего Востока, Северного Кавказа и Юга России чаще используется термин “поселение” для неукрепленных мест обитания средневекового времени.

Значительно меньшее количество памятников относится к укрепленным поселениям (городищам) (2061, или 14%), курганным (2552, или 17%) и грунтовым могильникам (1269, или 9%). Исследователи выделяют также местонахождения (1675, или 11%) – места присутствия археологического материала без признаков кратковременного или долговременного обитания. На остальные типы памятников, фиксируемые в рассматриваемых отчетах 1944–1964 гг., приходится не более 2% ОАН. К ним относится 44 городских поселения, 51 наскальное изображение, 8 кладов, 52 производственных комплекса и 98 культовых сооружений.

Пространственное распространение разных типов памятников следует общей закономерности, описанной выше. Так, на долю европейской части РФ приходится 70% ОАН, исследованных в первые послевоенные десятилетия, среди кото-

Рис. 4. Карта археологических памятников на территории РФ, исследовавшихся по пятилетним интервалам: А – 1944–1949 гг.; Б – 1950–1954 гг.; В – 1955–1959 гг.; Г – 1960–1964 гг.

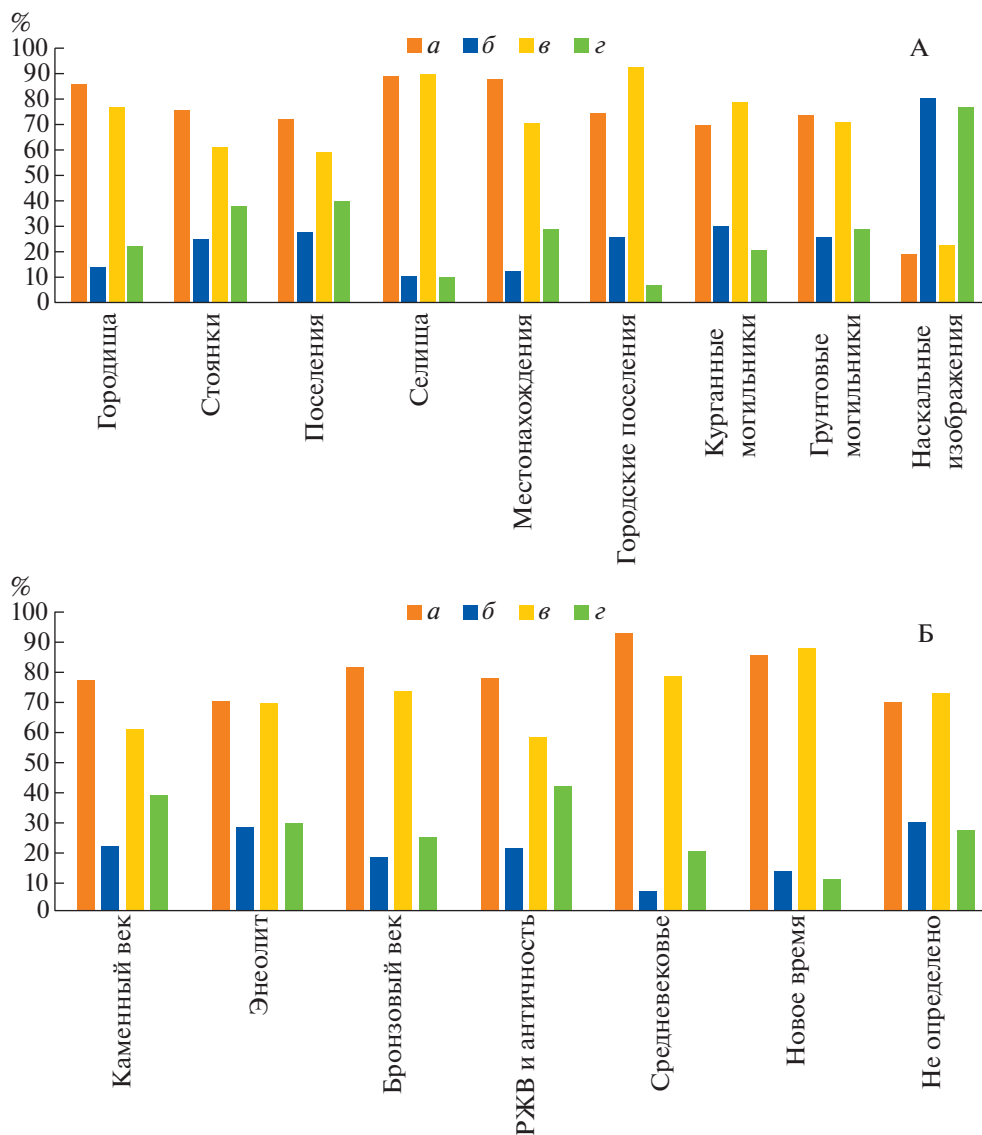
Fig. 4. Map of archaeological sites on the territory of the Russian Federation, studied within five-year intervals: А – 1944–1949; Б – 1950–1954; В – 1955–1959; Г – 1960–1964

рых 86% городищ, 89% селищ, 88% местонахождений, от 70 до 75% курганных и грунтовых могильников, стоянок, городских и открытых поселений (рис. 5, А). Лишь наскальные изображения имеют существенный перевес в количестве за Уральским хребтом – 41 из 51 (80%). Прослеженная тенденция в пространственном распространении разных типов памятников сохраняется и в дальнейшем, за некоторыми исключениями. Так, в 2009–2012 гг. возросло количество местонахождений, стоянок и поселений, исследованных к востоку от Уральского хребта (от 29 до 40% против 12–28% памятников, исследованных в 1944–1964 гг.). Количество же полевых работ на городских поселениях на Дальнем Востоке, в Сибири и в Уральском регионе, наоборот, сократилось с 25 до 7%. Почти на 10% сократилась доля курганных могильников, изучавшихся в восточных регионах в 2000-е годы. Несколько увеличилась доля наскальных изображений, исследовавшихся на европейских территориях – с 20 до 23% (рис. 5, А).

Среди федеральных округов, расположенных к западу от Урала, по количеству исследованных памятников лидируют Поволжский и Центральный, о чем упоминалось выше. Здесь исследовалось 65% городищ, 83 селищ, 68 местонахождений, 61 городских поселений, 48 курганных и 43% грунтовых могильников. Любопытно отметить, что на долю южных регионов и Северного Кавказа приходится 15% курганных могильников, исследовавшихся в 1944–1964 гг., тогда как в 2009–2012 гг. на эти территории приходилось уже 34% обнаруженных и изученных курганных некрополей.

В восточных областях страны большинство изученных в 1944–1964 гг. памятников приходится на Сибирский федеральный округ. Здесь было затронуто полевыми исследованиями 59% от всех наскальных изображений, 20% курганных и 23% грунтовых могильников. Доля памятников разных типов, изучавшихся на Дальнем Востоке и на Урале, как правило, составляет не более 10% от

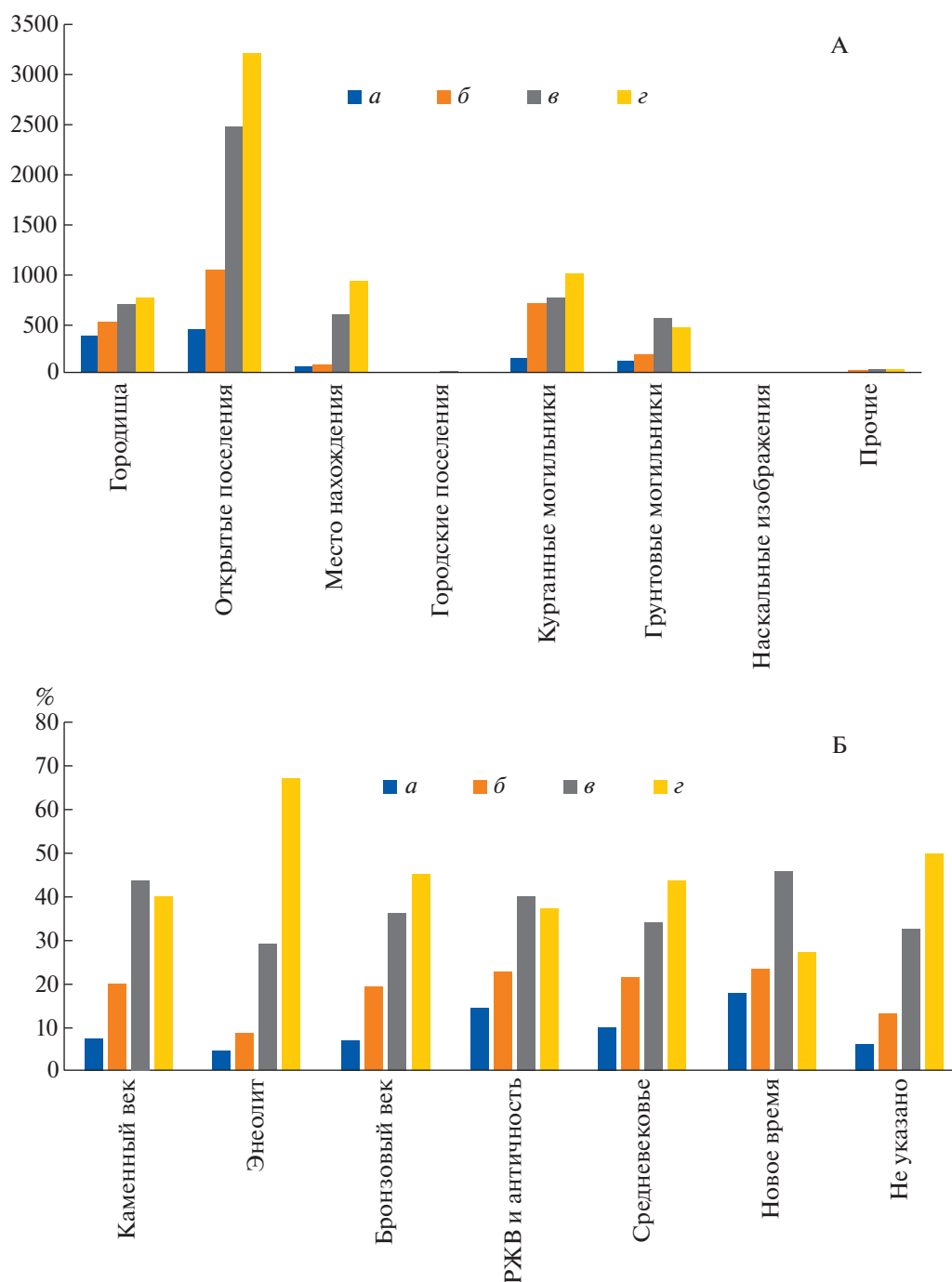
Рис. 5. Диаграмма распределения по пятилетним интервалам процентного соотношения типов памятников (А) и памятников по эпохам (Б). Условные обозначения: а – европейская часть РФ (1944–1964 гг.); б – азиатская часть РФ (1944–1964 гг.); в – европейская часть РФ (2009–2012 гг.); г – азиатская часть РФ (2009–2012 гг.).

Fig. 5. Distribution diagram for five-year intervals of studying by the percentage of types of sites (А) and the percentage of sites by epoch (Б)

общего числа. Исключением являются наскальные изображения, 18% которых исследовалось в Уральском регионе, и городские поселения, 14% которых изучалось на Дальнем Востоке, но в целом данные категории древностей единичны.

Интересно проследить, не выявляются ли какие-либо приоритеты в исследованиях тех или иных типов памятников на протяжении рассматриваемого периода. Следует отметить, что рост числа исследованных городищ за 1944–1964 гг. происходит достаточно плавно по сравнению с другими типами памятников – за каждый пятилетний интервал увеличивается количество ОАН

данного типа примерно на 200 объектов, а в последние годы (1960–1964 гг.) рост практически останавливается (рис. 6, А). Остальные типы памятников демонстрируют гораздо более существенный рост по числу исследованных в каждое из послевоенных пятилетий. В особенности это касается местонахождений, число которых несущественно в первую половину рассматриваемого временного диапазона, но резко возрастает с середины 1950-х годов. Похожая картина существенного увеличения количества исследованных памятников наблюдается для грунтовых и курганных могильников, но при этом резкий рост

Рис. 6. Диаграмма распределения количества археологических памятников по типам (А) и процентного соотношения памятников по эпохам (Б), исследованных по пятилетним интервалам: а – 1944–1949 гг., б – 1950–1954 гг., в – 1955–1959 гг., г – 1960–1964 гг.

Fig. 6. Distribution diagram of the number of archaeological sites studied by types (А) and the percentage of sites by five-year intervals (Б)

интереса ко вторым происходит уже с рубежа 1940–1950-х годов (рис. 6, А). И лишь количество изучаемых наскальных изображений существенно не меняется в течение рассматриваемого периода.

Распределение по эпохам

В АСОИ “Терек” принята двухуровневая хронологическая атрибуция археологических памятников по эпохам и датировкам (Макаров и др., 2015а. С. 12; 2015б. С. 83, 84; 2016б. С. 11).

Таблица 2. Распределение археологических памятников, изучавшихся в 1944–1964 гг., по федеральным округам и основным эпохам

Table 2. Distribution of archaeological sites studied in 1944–1964 by federal districts the Russian Federation and main epochs

Федеральный округ	Каменный век		Энеолит		Бронзовый век		РЖВ и античность		Средне-вековые		Новое время		Не определено	
	количество	процент	количество	процент	количество	процент	количество	процент	количество	процент	количество	процент	количество	процент
Дальневосточный	87	5%	1	1%	10	0%	31	1%	40	1%	9	2%	355	6%
Приволжский	242	13%	24	16%	1022	44%	701	32%	1355	40%	257	44%	1664	29%
Северо-Западный	288	15%	44	30%	93	4%	94	4%	329	10%	35	6%	553	10%
Северо-Кавказский	54	3%	17	11%	148	6%	101	5%	237	7%	24	4%	375	7%
Сибирский	250	13%	14	9%	174	8%	253	12%	129	4%	61	11%	828	15%
Уральский	80	4%	28	19%	240	10%	195	9%	69	2%	12	2%	531	9%
Центральный	729	39%	2	1%	428	19%	392	18%	946	28%	160	28%	1131	20%
Южный	150	8%	18	12%	195	8%	428	19%	270	8%	21	4%	244	4%
Всего	1880	13%	148	1%	2310	16%	2195	15%	3375	23%	579	4%	5681	39%

При этом производится отнесение ОАН к одной или нескольким крупным эпохам в случае, если на памятнике присутствуют разновременные находки и культурные слои. Среди исследованных в 1944–1964 гг. археологических памятников более одной трети не получило культурно-хронологической атрибуции (5681 ОАН, или 39%). Отложения и находки каменного века встречаются на 1880 памятниках (13%), энеолита – на 148 (1%), бронзового века – на 2310 (16%), раннего железного века – на 2195 (15%), средневековья – на 3375 (23%), Нового времени – на 579 (4%) (табл. 2). Как уже указывалось ранее, выделение памятников энеолитической эпохи в отдельную категорию производится далеко не повсеместно (Макаров и др., 2016а. С. 9; 2016б. С. 30) – чаще всего их можно встретить на территории Северо-Запада, в южных регионах и на Северном Кавказе, а также на Урале и в Поволжье. В центральных областях и на Дальнем Востоке памятники эпохи энеолита практически отсутствуют в археологических атрибуциях.

Древности Нового времени лишь недавно стали рассматриваться как полноправный объект археологического изучения (Археология, 2005; Беляев, 2017). В послевоенный период они нечасто становились объектом особого археологического исследования – как правило, отложения последних столетий просто фиксировались при исследовании более древних памятников. Тем не менее более половины учтенных в АСОИ “Терек” памятников Нового времени (364 из 579) не содержали иных культурных наслоений или находок, являясь, таким образом, полноценным полевым объектом в процессе исследований первых послевоенных десятилетий. Данная тенденция развивается и в дальнейшем, и к началу 2010-х годов нами учтено уже 1422 археологических памятника Нового и Новейшего времени, исследованных в

последние годы, из которых 1047 не содержали отложений других эпох.

Пространственное распространение памятников разных эпох позволяет сделать следующие наблюдения. В целом сохраняется обозначенная выше тенденция, когда около 70% памятников расположены к западу от Уральского хребта. В западных регионах исследовалось в 1944–1964 гг. 78% памятников каменного и раннего железного века, 82% – бронзового, 86% – Нового времени и 93% – древностей эпохи средневековья (табл. 2). Интересно отметить, что со временем эта диспропорция выравнивается для древностей определенных эпох, которые более активно изучаются в процессе полевых работ последних лет (рис. 5, Б). Так, в 2009–2012 гг. на территории Уральского региона, Сибири и Дальнего Востока изучено уже 39% ОАН каменного века из включенных в выборку и 42% ОАН раннего железного века. Вырос интерес и к средневековым памятникам, 21% которых исследовался в восточных регионах (Макаров и др., 2016а. С. 10; табл. 2; 2016б. С. 26; табл. 3; 2017. С. 625. табл. 2). Для остальных эпох тенденции, заложенные в первые послевоенные десятилетия, сохраняются и в последнее время.

Если говорить о том, в какие годы из рассматриваемого диапазона прослеживается больший интерес к тем или другим археологическим эпохам, то, как и в случае с большинством типов памятников, растущее количество исследований приходится, как правило, на 1955–1964 гг. При этом, не считая древностей эпохи энеолита и Нового времени, наблюдаются примерно равные в процентном отношении доли ОАН, изучавшиеся в подпериоды 1955–1959 и 1960–1964 гг. Энеолитические памятники начинают активно выделяться и изучаться в самом конце рассматриваемого временного диапазона, с начала 1960-х годов

Таблица 3. Распределение археологических памятников, изучавшихся в 1944–1964 гг., по ландшафтными зонам
Table 3. Distribution of archaeological sites studied in 1944–1964 by landscape zones

Тип ландшафта	Каменный век		Энеолит		Бронзовый век		РЖВ и античность		Средневековье		Новое время		Не определено		Всего	
	абсолютное	процент	абсолютное	процент	абсолютное	процент	абсолютное	процент	абсолютное	процент	абсолютное	процент	абсолютное	процент	абсолютное	процент
Тундра	27	2%	0	0%	8	0%	7	0%	7	0%	5	1%	74	1%	121	1%
Болото	7	0%	2	2%	2	0%	2	0%	2	0%	0	0%	24	0%	36	0%
Лес	437	28%	56	45%	277	14%	290	17%	396	14%	93	20%	944	19%	2269	18%
Кустарник	6	0%	1	1%	7	0%	8	0%	2	0%	0	0%	17	0%	40	0%
Пастбища	133	9%	20	16%	188	9%	214	12%	233	8%	25	5%	585	12%	1271	10%
Пашня	948	61%	46	37%	1498	76%	1219	70%	2281	78%	351	74%	3357	67%	8880	70%
Всего	1558	12%	125	1%	1980	16%	1740	14%	2921	23%	474	4%	5001	40%	12617	100%

(67% ОАН), тогда как интерес к памятникам Нового времени наиболее активно проявился в 1955–1959 гг. (46%), а затем несколько уменьшился (рис. 6, Б).

Распределение по ландшафтам

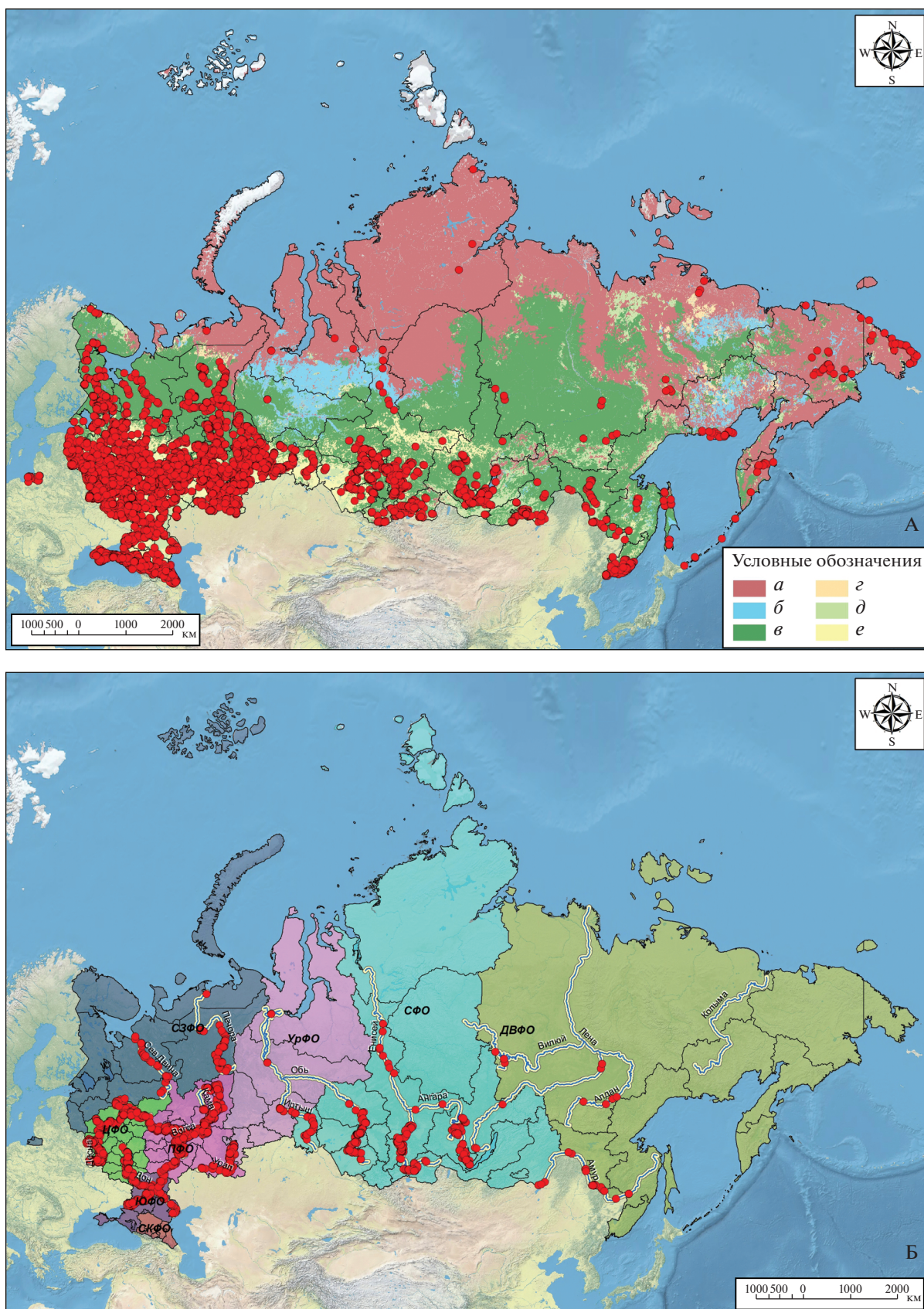
Пространственный анализ, проводимый на основе геоинформационных систем, позволяет соотнести те или иные археологические памятники с характеристиками растительности, полученными из открытых источников. Всего для территории Российской Федерации выделяется шесть основных типов ландшафтов – тундра, болото, лесная и кустарниковая растительность, открытые пространства с пастбищными и пахотными землями. Следует отметить, что зоны с разной растительностью в принципе совпадают с основными природными зонами (тундра, тайга, зона смешанных лесов, лесостепь, степь), но могут отличаться в границах распространения. Так, например, зона тундровой растительности помимо собственно тундры характерна для высокогорий юга Сибири и Кавказа. Растительность болот и кустарников распространена как в тундровой зоне, так и в таежной и лесной. Пастбищная растительность в целом характерна для пояса степей, но имеются ее значительные вкрапления в таежную и тундровую зоны. Наконец, большинство пахотных угодий лежит в поясе степи и лесостепи.

Точечная информация о 14 433 памятниках совмещалась с полигональными слоями, отражающими распределение ландшафтов разных типов (рис. 7, А). Как уже упоминалось выше, особенностью нашего картографического анализа памятников археологии, изучавшихся в 1944–1964 гг., является отсутствие их точной географической привязки, полученной в виде координат с помощью навигационных GPS-приемников. Не все археологические памятники удалось локализовать: для 267 из 14 730 отсутствует даже приблизительная географическая привязка, поэтому в

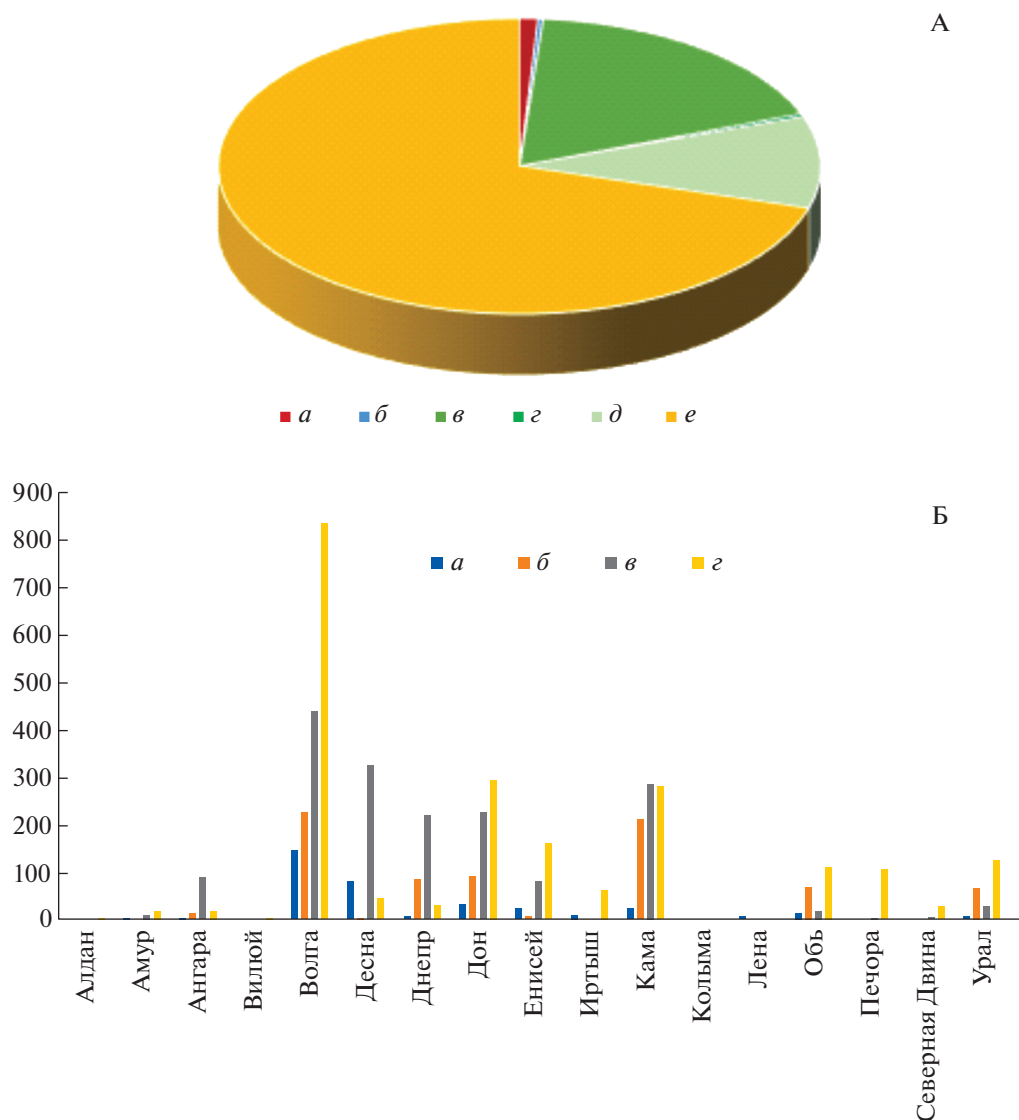
дальнейшем анализе используется информация о меньшем количестве ОАН.

В результате сопоставления 14433 памятников с ландшафтными зонами 12617 из них получили соответствующую атрибуцию. К тундровой зоне отнесен 121 памятник (1%), в болотистых и кустарниковых ландшафтах археологические памятники практически отсутствуют (36 и 40 ОАН соответственно). На лесную зону приходится 2269 памятников, что составляет 18%. 1271 памятник (10%) расположен в степных ландшафтах, нетронутых распахкой. Наконец, подавляющее большинство ОАН – 8880 из 12 617 – было обнаружено в зоне открытых ландшафтов, представляющих пахотные угодья (70%) (табл. 3; рис. 8, А). Последнее обстоятельство может говорить как о более высокой концентрации населения в древности и средневековье в лесостепной и степной зоне, так и о том, что поиск и обнаружение археологических памятников можно провести более успешно на распаханных открытых территориях. Следует отметить, что в последующее время данная тенденция в распределении памятников археологии по зонам растительности сохраняется, хотя в абсолютном исчислении количество ОАН, обнаруженных в малопродуктивных для жизни областях тундры и болот увеличивается до 346 и 260 соответственно, что составляет по 2% от числа изученных в 2009–2012 гг. археологических памятников (Макаров и др., 2016а. С. 10, 11; табл. 2; 2016б. С. 32; табл. 4).

Рассматривая распределение по зонам растительности памятников разных эпох, можно сделать следующее наблюдение. От 75 до 85% археологических первобытных и средневековых древностей вплоть до настоящего времени приходится на открытые пространства степи и лесостепи, в настоящее время занимаемые пастбищными и пахотными угодьями. Количество памятников каменного века, обнаруженных в рассматриваемый период в лесной зоне, несколько больше (28%), чем в последующее время. Максимальное количество древностей лесной зоны

Рис. 7. Карта распространения археологических памятников по ландшафтным зонам (А) и по бассейнам крупных рек (Б). Условные обозначения: а – тундра; б – болото; в – лес; г – кустарник; д – степь; е – пашня.
Fig. 7. Map of the distribution of archaeological sites by landscape zones (A) and by the basins of large rivers (B)

Рис. 8. Диаграмма процентного распределения археологических памятников по ландшафтным зонам (А): а – тундра; б – болото; в – лес; г – кустарник; д – пастбища; е – пашня; и количественного распределения ОАН в бассейнах крупных рек, исследованных по пятилетним интервалам (Б): а – 1944–1949 г., б – 1950–1954 г., в – 1955–1959 г., г – 1960–1964 г.

Fig. 8. Diagram of the percentage distribution of archaeological sites by landscape zones (А) and the quantitative distribution of main finds by the basins of large rivers studied over five-year intervals (Б)

прослеживается для энеолитических памятников (45%). Во все перечисленные эпохи памятники, находящиеся в зонах тундровой и болотной растительности, единичны, за исключением ОАН каменного века, где они составляют около 2% от исследованных (34 из 1558) (табл. 3). Любопытно, что данная тенденция в принципе сохраняется и для археологических памятников, изучавшихся в последнее время, но древностей каменного века обнаруживалось и исследовалось больше как в зоне тундры, болот и кустарников (6%), так и в лесной зоне (36%), а доля памятников эпохи

энеолита в лесной зоне сокращается до 34%, однако по-прежнему она существенно больше, чем у ОАН последующих периодов (Макаров и др., 2016а. С. 10, 11; табл. 2; 2016б. С. 32; табл. 4).

Распределение по долинам рек

Как и в более раннем исследовании закономерностей в пространственном распространении археологических памятников, изучавшихся в 2009–2012 гг., нами применялись процедуры пространственного анализа для соотнесения ОАН с бассейнами крупных рек Российской Федерации

Таблица 4. Распределение археологических памятников, изучавшихся в 1944–1964 гг., по бассейнам крупных рек
Table 4. Distribution of archaeological sites studied in 1944–1964 by major river basins

Главные реки	Временные интервалы исследования, годы								Всего	Длина, км	Памятников на 1 км длины	
	1944–1949		1950–1954		1955–1959		1960–1964					
Алдан	0	0%	0	0%	0	0%	4	100%	4	0.1%	2273	0.0
Амур	4	13%	0	0%	8	25%	20	63%	32	0.7%	4133	0.0
Ангара	4	3%	13	11%	87	74%	20	17%	118	2.6%	1779	0.1
Вилюй	0	0%	0	0%	0	0%	4	80%	5	0.1%	2650	0.0
Волга	145	9%	223	14%	440	29%	836	54%	1541	33.5%	3531	0.4
Десна	80	19%	3	1%	327	78%	47	11%	418	9.1%	555	0.8
Днепр	7	2%	85	26%	220	68%	30	9%	323	7.0%	485	0.7
Дон	33	6%	90	16%	224	41%	293	53%	549	11.9%	1870	0.3
Енисей	23	9%	6	2%	83	32%	161	63%	256	5.6%	3930	0.1
Иртыш	9	13%	1	1%	1	1%	60	87%	69	1.5%	1900	0.0
Кама	22	3%	212	29%	284	39%	281	39%	721	15.7%	2030	0.4
Колыма	0	0%	0	0%	0	0%	0	0%	0	0.0%	2129	0.0
Лена	5	100%	0	0%	0	0%	0	0%	5	0.1%	4400	0.0
Обь	17	8%	69	33%	18	9%	112	53%	211	4.6%	3050	0.1
Печора	0	0%	0	0%	3	3%	107	98%	109	2.4%	1809	0.1
Северная Двина	0	0%	0	0%	3	11%	27	100%	27	0.6%	1803	0.0
Урал	7	3%	66	30%	27	12%	124	57%	218	4.7%	1550	0.1

как основных транспортных маршрутов и источников жизнеобеспечения в древности и средневековье. В настоящей работе в геоинформационную систему были добавлены линейные данные с современными течениями рек и границами крупных водохранилищ, вокруг которых была построена буферная зона в 50 км в каждую сторону (рис. 7, Б). Внутри этой 100-км зоны были выделены археологические памятники, которые можно таким образом соотнести с бассейном той или иной реки или ее основных притоков (табл. 4).

Проведенное исследование выявило очень близкие тенденции к уже отмеченными нами ранее (Макаров и др., 2016а. С. 11–13; табл. 4; 2016б. С. 32–36; табл. 5). Прежде всего, с основными бассейнами рек было соотнесено около 31% памятников, исследованных в 1944–1964 гг. (4606 ОАН). Большинство из рассматриваемых памятников лежит в европейской части РФ (рис. 7, Б). 1541 из них по результатам проведенного анализа отнесен к бассейну Волги (34%), 721 – к бассейну Камы (16%), 549 – к Дону (12%). Данное обстоятельство связано, в первую очередь, вероятно, со степенью изученности этих речных массивов в связи с масштабным строительством водохранилищ в 1950–1960-е годы – Чебоксарского и Куйбышевского на Волге, Камского на Каме и строительством Волго-Донского канала. Эти “великие стройки” сопровождалась массивными археологическими разведками

и раскопками, результаты которых продемонстрированы на карте.

Из сибирских рек выделяется насыщенностью археологическими древностями Енисей (256 ОАН, или 6%), за ним следуют Урал и Обь (218 и 211 ОАН соответственно, около 5%). На Дальнем Востоке в бассейне Амура в рассматриваемый период исследовано чуть более 30 памятников, а в бассейне Колымы – ни одного.

Любопытно рассчитать, какое среднее количество археологических памятников приходится на 1 км речного течения. Наиболее насыщенными археологическими памятниками представляются бассейны Десны и Днепра (0.7–0.8 памятников на 1 км), длина течения которых по территории Российской Федерации составляет около 500 км. Далее следуют Волга, Кама и Дон (0.3–0.4 памятника на 1 км). Все остальные речные бассейны весьма слабо насыщены археологическими памятниками – здесь на 1 км течения приходится 0.1 памятника и менее (табл. 4; рис. 8, Б). В последние годы исследования археологических памятников в бассейне Десны и особенно Днепра значительно сократились, а в бассейне Дона, наоборот, выросли. Именно эта река дает наибольшую концентрацию археологических древностей, вошедших в полевые отчеты 2009–2012 гг. – здесь на 1 км реки приходится 0.6 памятника археологии, что составляет максимум для данной выбор-

ки (Макаров и др., 2016а. С. 11–13; табл. 4; 2016б. С. 32–36; табл. 5).

Подводя итоги, проведенное исследование пространственного распространения археологических памятников, попавших в орбиту полевых работ 1944–1964 гг., демонстрирует практически те же тенденции, что и отмеченные нами в ходе предыдущего изучения закономерностей размещения ОАН на археологической карте России по итогам работ 2009–2012 гг. Сопоставимо и количество картографируемых древностей (14730 и 15367), и общие закономерности, прослеженные в ходе анализа. Так, и в том, и в другом случае большинство археологических памятников, изучавшихся в разные годы, находится на европейской территории России (79% в 1944–1964 гг. и 73% в 2009–2012 гг.). При этом в европейской части РФ большинство археологических работ проводилось в Приволжском и Центральном федеральном округе, где было исследовано в совокупности 56% всех памятников в первые послевоенные десятилетия и чуть менее половины – в последние годы. Несколько меняются регионы, отличающиеся наивысшей плотностью расположения археологических древностей: если в первый период это был Центральный округ, где число памятников на 1 тыс. км² достигало 5.4, то во второй таким становится Юг России с плотностью памятников 6.0 (Макаров и др., 2016а. С. 8, 9; табл. 1; 2016б. С. 14–16; табл. 1; 2017. С. 624, 625; табл. 1).

Использование достаточно широкого временного диапазона исследований, охватывающего 20 послевоенных лет, позволяет более тонко подойти к характеристике процесса развертывания полевых археологических работ на территории Российской Федерации. Так, можно констатировать, что активность археологов РСФСР резко возрастает с середины 1950-х годов, что отражается как на расширяющемся территориальном охвате страны полевыми исследованиями (рис. 4), так и на вовлечении все большего количества памятников разных типов и эпох в археологические работы (рис. 6). Отдельные территории и типы памятников не испытали кардинального роста, но в целом данная тенденция очевидна.

Приоритетными территориями расселения, по-видимому, являлись открытые пространства степи и лесостепи, где обнаруживается подавляющее большинство археологических древностей как на европейской, так и на азиатской территории. Совершенно очевидно, что данное наблюдение не зависит от степени обследования регионов – точно такая же тенденция прослеживается и по работам последних лет, при небольшом увеличении количества памятников, обнаруженных в зоне тундровой и таежной растительности. Пред-

ставляется весьма вероятным, что последующее включение новой информации в существующую базу данных существенно не повлияет на этот вывод.

Таким образом, продолжающаяся работа по наполнению АСОИ “Терек” новой информацией об археологических исследованиях на территории Российской Федерации позволяет сделать более обоснованные выводы об основных тенденциях в системе расселения древнего и средневекового населения нашей страны и получить яркую картину поэтапного изучения археологических древностей России в национальном масштабе.

Подготовлено в рамках проекта РФФИ № 18-09-40053/20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта Башкирии / Ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.
- Археология позднего периода истории: материалы Круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала “Российская археология” // Российская археология. 2005. № 1. С. 81–99.
- Беляев Л.А. Археология России Нового времени: тенденции развития // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 66–70.
- Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Ворошилов А.Н. Пространство древности: археологические памятники на карте России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87, № 7. С. 622–634.
- Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. Геоинформационная система “Археологические памятники России”: методические подходы к разработке и первые результаты наполнения // Краткие сообщения Института археологии. 2015а. Вып. 237. С. 7–19.
- Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. Первые шаги по созданию национальной геоинформационной системы “Археологические памятники России” // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015б. Т. 43, № 4. С. 85–93.
- Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. Россия как археологическое пространство: первые итоги работы по созданию национальной ГИС “Археологические памятники России” // Российская археология. 2016а. № 4. С. 5–15.
- Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. Археологические памятники России: опыт создания и аналитического использования ГИС // Россия как археологическое пространство / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2016б. С. 9–39.
- Старостин П.Н. Об особенностях и задачах археологической науки // Очерки археологии Татарстана. Казань: Школа, 2001. С. 4–16.

ARCHAEOLOGICAL MAP OF RUSSIA IN THE FIRST POST-WAR DECADES (1944–1964): MAIN TRENDS IN THE SPATIAL NATIONWIDE DISTRIBUTION OF ARCHAEOLOGICAL SITES

Olga V. Zelentsova^{a,#}, Dmitry S. Korobov^{a,##}, and Alexey N. Voroshilov^{a,###}

^a Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#] E-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru

^{##} E-mail: dkorobov@mail.ru

^{###} E-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru

The article deals with the results of the archaeological study of the Russian territory over the period of twenty years following World War II – from 1944 to 1964. The results are analyzed using the nationwide geoinformation system “Archaeological Sites of Russia” (ASR). Data on 14,730 archeological sites on the territory of the Russian Federation from 4,356 field research reports have been entered into the information search system. The study of the spatial distribution of archaeological sites that were involved in field work in 1944–1964 confirm general regularities the authors have already noted, where up to 79% of the studied objects are located on the European part of Russia. Apparently, the priority areas of settlement were the open spaces of the steppe and forest-steppe where the vast majority of archaeological antiquities have been found both in European and Asian parts of the country.

Keywords: archaeological sites, geoinformation systems, post-war decades, settlement system.

REFERENCES

- “The archaeology of the recent period of history”. Materials of the round table held by the editors and editorial board of the journal “Russian archaeology”. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2005, 1, pp. 81–99. (In Russ.)
- Arkheologicheskaya karta Bashkirii [Archaeological map of Bashkiria]. O.N. Bader, ed. Moscow: Nauka, 1976. 262 p.
- Belyaev L.A., 2017. Archaeology of Modern Period in Russia: Development trends. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History]*, 49, pp. 66–70. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N., 2015a. Geo-information system “Archaeological Sites of Russia”: methodic approaches to its elaboration and the first results obtained. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 237, pp. 7–19. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N., 2015b. The first steps towards the development of the national GIS “Archaeological sites of Russia”. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia]*, vol. 43, no. 4, pp. 85–93. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N., 2016a. Russia as archaeological space: First results of elaboration of the national GIS “The Archaeological Sites of Russia”. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 5–15. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N., 2016b. Archaeological sites of Russia: experience in the development and analytical application of GIS. *Rossiya kak arkheologicheskoe prostranstvo [Russia as an archaeological space]*. N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 9–39. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Voroshilov A.N., 2017. The space of antiquity: archaeological sites on the map of Russia. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*, vol. 87, no. 7, pp. 622–634. (In Russ.)
- Starostin P.N., 2001. On the features and tasks of archaeological research. *Ocherki arkheologii Tatarstana [Studies in the archaeology of Tatarstan]*. Kazan’: Shkola, pp. 4–16. (In Russ.)